

РЕФОРМА СОЦИАЛЬНЫХ ЛЬГОТ В ОЦЕНКАХ РОССИЯН

И.А. Климов

Автор рассматривает итоги реформ, ассоциирующихся с «монетизацией» в том виде, в каком они нашли отражение в ходе опросов общественного мнения. Общероссийские опросы, проводимые Фондом общественного мнения, материалы фокус-групп 2004–2006 годов показывают противоречия, проявившиеся в ходе реформирования социальных льгот, и высокий уровень протестной мобилизации россиян. Несмотря на спад социальных протестов в 2006 году, уровень недовольства в обществе принятыми законами и ходом их реализации остается очень высоким, что может негативно повлиять на ход дальнейших реформ социальной политики в сфере ЖКХ, образования и здравоохранения, с одной стороны, а с другой стороны, будет способствовать формированию новых форм коллективного действия и диалога между государством и обществом.

Ключевые слова: монетизация льгот, социальные реформы, всероссийский опрос, протестное поведение, коллективное действие

Реформа системы социальных льгот стала, пожалуй, самым крупным с 2000 года нововведением российской власти, напрямую и сразу затронувшим самые значительные слои населения. Никакая из других новаций последних лет не может сравниться с этой реформой ни по скорости мобилизации внимания, ни по характеру динамики мнений – как в отношении самой идеи, так и в отношении главных действующих лиц – инициаторов реформы.

С 2000 года тема социальных льгот практически не становилась предметом публичных дискуссий. Однако ее структурные компоненты получали подпитку благодаря актуализации «смежных» тем, таких, как, например, пенсионная реформа, введение единого социального налога, нововведения

Публикация подготовлена в рамках проекта «Протестная активность и социальные реформы в России», грант ГУ-ВШЭ № 06-04-0038/.

в области образования или в сфере ЖКХ¹. Опросы показывали, что подавляющее большинство россиян (65 %) рассматривали льготы как государственную поддержку тех, кто в ней нуждается². Так, при ответе на открытый вопрос: «Как Вы понимаете выражение «социальные льготы»?» – люди говорили о жизненно важном значении льгот для неимущих и в целом для слабобеспеченных групп – ветеранов, инвалидов, многодетных семей и т. д. Очень часто неденежная поддержка этих категорий населения понимается как безусловная обязанность государства, одна из главных его функций.

В связи со сказанным неудивительно, что самое первое и самое эмоциональное прочтение планов реформы (после того, как они были обнародованы в начале лета 2004 года) сводилось к формуле: «государство отказывается помогать социально незащищенным людям». Большая часть ответов на вопрос: «Как Вы считаете, зачем, с какой целью правительство планирует заменить некоторые социальные льготы на денежные выплаты?» – содержат отрицательные оценки еще только анонсированной реформы (27 %). Чаще всего люди говорили о том, что таким образом государство решило отказаться от своих социальных обязательств (12 %), об «очевидной» противопоставленности интересов населения интересам власти имущих (10 %) [Климова, 2004a]:

«В очередной раз обути стариков и обиженных судьбой людей»; «чтобы никаких обязательств перед гражданами не иметь»; «хотят бюджет пополнить, чтобы себе на зарплату выкроить»; «выгоду для себя, а не для народа» (открытый вопрос).

Уже первые опросы, проведенные сразу после появления темы в публичном пространстве, показали важную особенность восприятия проблемы социальных льгот. Практически мгновенно произошла кристаллизация и содержательная смычка сразу нескольких содержательных компонентов, тематических структур, систем интерпретаций, прежде существовавших более или менее «изолированно» и проявлявшихся от случая к случаю. К таким значимым компонентам относятся:

- символический аспект социальных льгот (льгота как заслуга, как гарантия, как внимание и признательность государства, как атрибут определенного социального статуса, и, конечно же, как способ «достижения социальной справедливости»);

- экономический аспект (эквивалентность замены, надежда на улучшение благосостояния, на упрощение процедур оформления льгот и т. д.);

- проблема ответственности властей (действует ли правительство в интересах простых россиян, может ли сделать все «по уму», способно ли не только разработать реформу, но и реализовать ее на уровне многообразных

¹ См., например: [Гвоздева, 2003б].

² Общероссийский опрос ФОМ 5–6 июня 2004 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0423/domt0423>.

жизненных ситуаций людей, кто несет ответственность за негативные последствия – не в абстрактном, а в прикладном и прагматическом смысле: как будет все проходить, куда идти и кому звонить при необходимости и т. п.).

Кроме того, опросы показывали, что россияне – «по ассоциации» с темой социальных льгот – обсуждали (и не скупилась на резкие эпитеты) тему привилегий и льгот для чиновников, депутатов и т. д., хотя формально это совершенно иной тип социальных обязательств государства. Как показывали опросы¹, она составила заметный содержательный и оценочный фон обыденных обсуждений: 59 % россиян полагают, что сегодня есть люди, группы населения, пользующиеся льготами, которые им не следовало бы предоставлять².

То есть обнаружение реформаторских намерений власти в отношении социальных льгот актуализировало целый комплекс очень острых проблем и одновременно – стало своеобразным «тематическим мостиком» между ними, сформировало у россиян совершенно определенный «горизонт» ожидаемых событий и спектр интерпретаций. Так что история с заменой социальных льгот летом и осенью 2004 года развивалась не только на формально-сюжетном уровне, но и как сюжет «субъективной реальности», питавшийся переживаниями, обсуждениями, обыденным теоретизированием и напряженным вниманием к новостным сообщениям по этой теме.

Лето-зима 2004 года: начальный этап реформы

Первое, что зафиксировали опросы ФОМ, – это очень быстрая мобилизация внимания людей, мгновенное – по сравнению с иными информационными поводами – включение россиян в проблему. Уже в самом начале, как только вопрос о замене некоторых социальных льгот денежными выплатами стал обсуждаться в СМИ, доля информированных о планируемом нововведении составила 73 %, а спустя месяц, в первой декаде июля, она поднялась до 89 %³ (см. рис. 1). О своей заинтересованности и включенности в проблему в начале лета говорила половина (51 %) респондентов, в июле эта доля выросла до 65 %⁴ (рис. 2).

¹ Общероссийский опрос ФОМ 7–8 августа 2004 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0432>.

² Для сравнения – высказывание одного из участников групповой дискуссии, проводившейся в 2000 году по проблеме социальных льгот: «У нас о социальных льготах вообще говорить не приходится. Льготы, но не социальные. Есть привилегии – известно кому, вот там они и ощущаются. А социальной помощи тем, кто действительно нуждается, просто нет» (ДФГ, Самара, 2000 год) [Доминанты. 2000. № 24].

³ Сумма ответов тех, кто выбрал первую или вторую позицию на вопрос: «Вы знаете, что-то слышали или слышите сейчас впервые о планах правительства заменить некоторые социальные льготы денежными выплатами?».

⁴ Вопрос: «Скажите, пожалуйста, Вас лично вопрос о замене некоторых социальных льгот денежными выплатами интересует, волнует или особо не интересует, не волнует?».

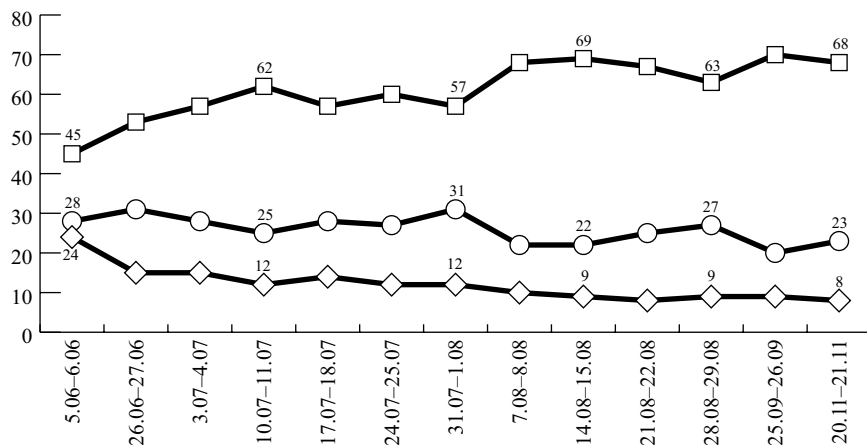

Рис. 1. Ответы на вопрос: «Вы знаете, что-то слышали или слышите впервые о планах правительства заменить некоторые социальные льготы денежными выплатами?», %

□ — знаю ○ — что-то слышал(а) ◇ — слышу впервые

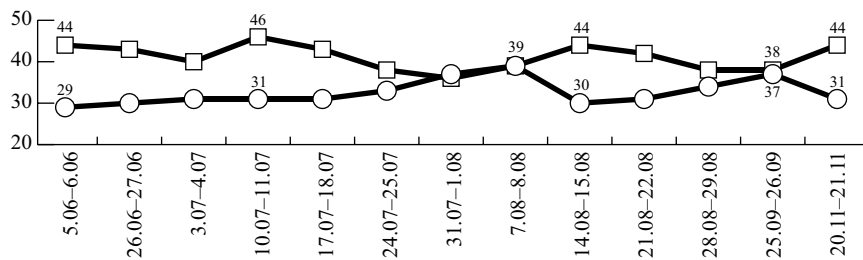

Рис. 2. Ответы на вопрос: «Как Вы лично относитесь к планам заменить некоторые социальные льготы денежными выплатами – положительно или отрицательно?», июль – ноябрь 2004 года, все опрошенные, %

□ — положительно ○ — отрицательно

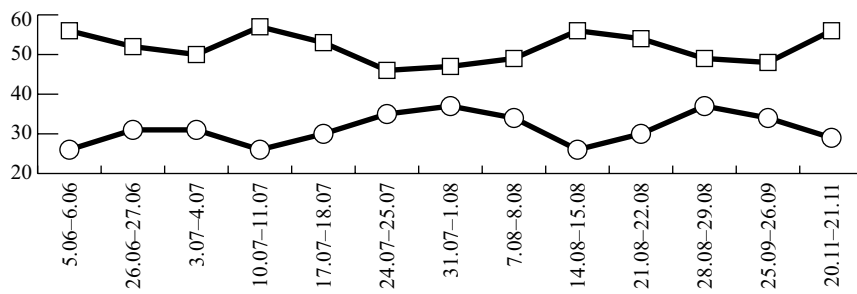

Рис. 3. Ответы на вопрос: «Как Вы лично относитесь к планам заменить некоторые социальные льготы денежными выплатами – положительно или отрицательно?», июль – ноябрь 2004 года, льготники, %

□ — положительно ○ — отрицательно

Опросы показывали, что при неоднозначном, хотя скорее негативном отношении к идее заменить льготы деньгами, люди в общении между собой, в разговорах и спонтанных обсуждениях гораздо чаще обменивались именно отрицательными суждениями. И как раз повседневные разговоры, обмен мнениями и эмоциями существенно больше влияли на оценки россиян, нежели официальная информация, выступления политиков и чиновников [Бавин, 2004]. Разумеется, среди самих льготников внимание к реформе было более мобилизованным и более устойчивым, чем у населения в целом: в течение лета доля информированных устойчиво держалась на уровне 93–95 % от числа опрашиваемых льготников, а доля эмоционально включенных в проблему варьировалась в пределах 85–90 % ¹.

Первая декада июля сделала явной еще одну тенденцию: обозначились структурные изменения внутри категории негативно оценивающих планы правительства [Климов, 2004б]. С одной стороны, продолжала происходить мобилизация внимания к теме социальных льгот среди низкоресурсных групп населения (люди социально неадаптированные, с низкими заработками, пожилые, с неполным средним образованием). С другой стороны, заметно чаще других о своем отрицательном отношении к реформе стали заявлять представители высокоресурсных групп (среди них льготников очень немного) – люди, вполне адаптированные к сегодняшней жизни, с высокими заработками, имеющие высшее образование, и – самое главное – в активном и трудоспособном возрасте (36–54 года) ². Данные показали, что россияне стали активнее обсуждать проблему и чаще склонялись к негативным оценкам нововведений, тогда как внимание и доверие к публичным выступлениям чиновников оставались на прежнем уровне. Даже среди молодых людей (18–35 лет), традиционно более дистанцированных от социальных и политических коллизий, доля негативных оценок за неделю (с 3 по 10 июля) выросла с 32 % до 38 %, а доля затруднившихся определить свое отношение к реформе снизилась с 39 % до 28 % ³. Это означало, что инициаторы реформы стали быстро «сдавать позиции» как раз в тех социальных группах, которые, по идее, должны были бы поддерживать разумную с экономической точки зрения новацию или же быть толерантными к ней. Осуществлять экономическую стратегию любого рода чрезвычайно сложно без поддержки в соответствующих социальных группах:

¹ Динамику за 2004 год см.: [Доминанты. 2004. № 47].

² Так, доля противников реформы выросла среди респондентов с высшим (с 50 % до 58 %) и со средним специальным образованием (с 44 % до 51 %), среди лиц с доходом более 2 000 рублей (с 42 % до 49 %), среди оптимистов (с 32 % до 43 %), а также среди тех, кому от 35 до 55 лет (с 39 % до 48 %), – несмотря на то, что к числу льготников в этой возрастной категории принадлежит только каждый пятый. Общероссийский опрос ФОМ 10–11 июля 2004 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dom0428/domt0428/>.

³ См. приложения (развернутые таблицы по социально-демографическим группам) к общероссийскому опросу ФОМ 10–11 июля 2004 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dom0428/dpril0428/>.

либеральную – в высокоресурсных, дирижистско-этактистскую – в низкоресурсных. Если высокоресурсные группы не поддержали либеральное по своим исходным намерениям начинание, не восприняли его как экономически и социально оправданное, то это говорит об изначальном дефиците «символического капитала» у данной реформы.

Третий эпизод в «истории социализации» реформы, о котором следует сказать особо, связан с периодом ее законодательного оформления. С первых дней июля в работе основных российских телеканалов обнаружилась заметная тематическая константа: в телевизионной «повестке дня» рассказы о полезности реформы стали регулярной практикой. Аудитория таких передач и телесюжетов была довольно существенной: например, в первом из августовских опросов (7–8 августа) 54 % россиян ответили, что им приходилось видеть по телевизору какие-либо сюжеты о замене льгот денежными выплатами, и 39 % сказали, что им встречались разъяснения официальных лиц о порядке проведения реформы¹. Правда, воздействие этого объяснительно-новостного потока было крайне неоднозначным. Разъяснения чиновников и политиков называли непонятными 20 % респондентов, понятными – 18 %; телевизионные сюжеты вызвали несогласие примерно у 23 % россиян, а 18 % были склонны соглашаться с ними². Тем не менее агитация в поддержку реформы дала вполне ощутимые результаты: в первой декаде августа доли положительно и отрицательно относящихся к замене социальных льгот сравнялись: 39 % против 39 %. Среди льготников также наметилась конверсивная динамика, хотя доля негативно воспринимающих реформу все равно оставалась преобладающей.

С большей интенсивностью процесс конверсии мнений происходил в высокоресурсных группах – среди людей социально адаптированных, со сравнительно высокими доходами, имеющих среднее специальное или высшее образование. Среди тех, кого принято относить к низкоресурсным категориям (это, в том числе, сами льготники), конверсия мнений оказалась менее выраженной, она происходила заметно труднее – через период определенного рода растерянности, о чем свидетельствует некоторый рост доли затруднившихся с ответом. Анализ данных и сопоставление нескольких опросов позволяют заключить, что ни обыденные разговоры, ни факт окончательного принятия закона Государственной думой (5 августа), ни разъяснения официальных лиц не оказали существенного влияния на динамику мнений россиян по обсуждаемой проблеме. На отношение людей к реформе льгот повлиял телевизор. Данные показали, что среди тех, кто видел какие-то сюжеты о льготах, и воспринял их с согласием и доверием, значитель-

¹ Общероссийский опрос ФОМ 7–8 августа 2004 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0432>.

² О том, что вызывало согласие, а что заставляло не соглашаться – см. данные открытых вопросов общероссийского опроса ФОМ 7–8 августа 2004 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0432>.

но выросла доля положительно относящихся к реформе (с 61 % до 71 %) и сократилась доля настроенных отрицательно (с 24 % до 18 %). Кроме того, среди утверждавших, что им не приходилось видеть телесюжетов о льготах, неожиданно сократилась доля затрудняющихся определить свое отношение к реформе (с 38 % до 30 %) и одновременно выросла численность поддерживающих ее (с 31 % до 38 %). По всей видимости, какие-то сюжеты эти люди все-таки видели, но в их восприятии они не были увязаны с проблемой льгот, что неудивительно – многие телевизионные сообщения строились на приемах «косвенной агитации». Подробный анализ факторов, повлиявших на оценки людей, см.: [Климов, 2004в].

Итак, начало августа вроде бы обозначило конверсивную динамику мнений и оценок россиян в отношении реформы социальных льгот, однако она неожиданно прервалась: опрос, проведенный 14–15 августа, показал прежнее соотношение положительно и отрицательно оценивающих реформу – 30 % против 44 %. Наиболее заметные изменения произошли в низкоресурсных группах – среди людей с неполным средним образованием, пожилых, с доходами до 1 000 или от 1 000 до 2 000 рублей, а также среди жителей больших городов (с населением до 1 млн жителей). В этих группах резко сократилась доля положительно оценивающих реформу и одновременно выросло число затруднившихся определить свое отношение к ней или же заявивших о ее неприятии. Такая динамика объясняется прежде всего «отложенным осознанием» того, что закон принят, и, следовательно, реформа становится реальной, с одной стороны. С другой стороны, после третьего чтения закона в Госдуме информационно-агитационное сопровождение реформы было свернуто, что «высвободило» прежние опасения тех, кого она должна была затронуть в первую очередь¹. В дальнейшем ажиотаж вокруг замены льгот выплатами и интенсивность обсуждений темы постепенно снижались, что до определенной степени уменьшило общую наэлектризованность настроений.

Таблица 1

Динамика интереса к реформе льгот

	Опросы		
	14–15 августа	21–22 августа	28–29 августа
	14–15 августа 21–22 августа 28–29 августа		
Ответы на вопрос: «Скажите, пожалуйста, Вас лично вопрос о замене некоторых социальных льгот денежными выплатами интересует, волнует или особо не интересует, не волнует?»			
<i>Интересует, волнует</i>	66	60	58
<i>Не интересует, не волнует</i>	30	34	37

¹ См. приложения (развернутые таблицы по социально-демографическим группам) к общероссийскому опросу ФОМ 14–15 августа 2004 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0433/dpril0433>.

События в Беслане и серия террористических актов, произошедших в стране в конце августа – начале сентября, стали не только ведущей темой сентябрьских новостных выпусков, комментариев экспертов и политиков – они оказались в центре внимания подавляющего числа россиян¹. В этой ситуации реформа системы социальных льгот – тема, волновавшая наших соотечественников на протяжении всего лета, – безусловно, отошла на второй план. Это касается не только телевизионных передач и газетных публикаций, но и опросов общественного мнения, в которых также превалировала трагическая тематика: представлялось неуместным беседовать с респондентами о социальных льготах в момент, когда всех переполняли переживания в связи с событиями в Северной Осетии.

Опросы, проведенные 25–26 сентября и 20–21 ноября², показали, что проблема сохранила актуальность: информированность россиян осталась высокой, внимание – мобилизованным. Угасания интереса не произошло даже среди молодых респондентов, а среди низкоресурсных групп – людей в возрасте от 55 лет и с неполным средним образованием – росла численность тех, кто находил в замене льгот весомый повод для беспокойства. При том, что принципиальных изменений в оценках реформы не происходило, данные показывали несколько тенденций: представители высокоресурсных групп демонстрировали склонность к положительным оценкам, а низкоресурсных – к отрицательным. Кроме того, существенно участились негативные высказывания о предстоящей реформе в городах-мегаполисах (с населением более 1 млн человек) – с 43 % в сентябре до 64 % в ноябре, а также в больших городах (с населением до 1 млн человек) – с 40 % до 61 %. Все эти тенденции формировались в условиях сильного сокращения публичных дискуссий на тему льгот, но одновременно устойчиво формировался негативный фон в ее обыденных обсуждениях (см. рис. 4).

Таким образом, уже в ноябре 2004 года начинался процесс «мобилизации ожиданий»: реформа социальных льгот вступала в следующую стадию, и ожидание каких-то конкретных мероприятий по ее реализации делало обсуждения данной темы все более частыми. Практически весь спектр вопросов, которые россияне хотели бы задать официальным лицам, с завидной регулярностью воспроизводился в дискуссиях на фокус-группах и в ответах на открытые вопросы в течение всего лета и осени³. В ноябре же опасения и общее непонимание того, что происходит, усилились, о чем свидетельствовали, в частности, высказывания участников фокус-групп, проведенных 16–18 ноября 2004 года:

¹ См. данные общероссийского опроса ФОМ 11–12 сентября 2004 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0437>.

² Общероссийские опросы ФОМ 25–26 сентября // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0439/domt0439> и 20–21 ноября // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0447/domt0447>.

³ О вопросах россиян к официальным лицам данные общероссийского опроса ФОМ 3–4 июля 2004 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0427/domt0427>.

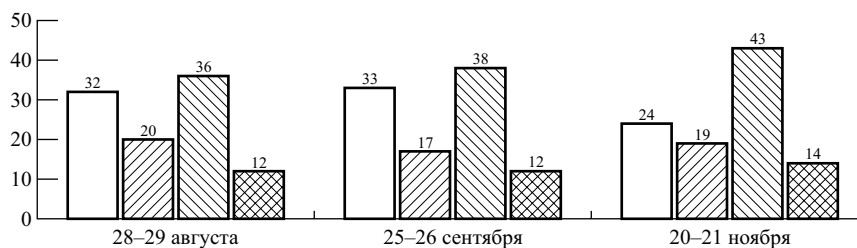

Рис. 4. Ответы на вопрос: «Вам приходилось или не приходилось слышать разговоры окружающих о замене социальных льгот денежными выплатами? И если приходилось, то какие мнения чаще высказываются – положительные или отрицательные?», %

□ не приходилось ▨ положительные ▩ отрицательные ▤ затрудняюсь ответить

«Если будут опять расти цены, то это будет не в лучшую сторону населению. Льготы могут потеряться, если цена будет расти. Что-то ведь должно делаться, чтобы так не было? Но я-то не понимаю, если аспирин будет стоить 500 рублей, мне его как-то дадут?» (ДФГ, Воронеж).

«У него [Фрадкова] слова русские, слова отдельные понятны – а общий смысл очень далек: процесс пошел, на местах все лучше, там договоримся – ну ничего конкретного, ничего» (ДФГ, Москва).

«Вот эти недоговоренности постоянные с его [Зурабова] стороны: он то одно обещает, то другое – нигде не выполняется... Одно дело – декларировать, другое – практически выполнить. Две большие разницы. То есть, декларировано одно – это не выполняется, и не будет выполняться – сто процентов» (ДФГ, Самара).

«Они уже сейчас должны быть готовы... А они говорят: да что, еще только в январе все будет рассчитано, все будет подсчитано, все будет сделано» (ДФГ, Самара).

Если говорить в целом, исследования ФОМ показывали, что восприятие текущей ситуации в стране в тревожно-негативных тонах в 2004 года было довольноно распространенным. По сравнению с 2003 годом увеличилась доля тех, кто считал, что уходящий год был хуже, чем предшествующий, «для него лично» (с 19 % до 28 %) и «для России» (с 11 % до 26 %) ¹. В ходе опроса, нацеленного на изучение социальных настроений, 67 % опрошенных отрицательно ответили на вопрос, ощущается ли стабильность в обществе ², тогда как утвердительно – втрое меньше (22 %). Одновременно с этим 57 % россиян ответили, что в последнее время лично у них было тревожное настроение, и 80 % посчитали, что на сегодняшний день у других людей преобладает «тревожное» настроение.

¹ Общероссийский опрос ФОМ 11–12 декабря 2004 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0450/domt0450>.

² Общероссийский опрос ФОМ 9–10 октября 2004 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0441>.

Основное различие между «тревожными» и «спокойными» респондентами – их социальная ресурсность. Первых больше среди представителей старшей и средней возрастных групп (69 % и 62 %), среди людей с невысоким доходом – до 1 000 рублей на человека (65 %), с неполным средним образованием (68 %) и в целом среди не адаптировавшихся к сегодняшней жизни (72 %). Вторых – среди молодежи (46 %), лиц со сравнительно высокими доходами (43 %) и в целом людей социально адаптированных и уверенных в своем благополучии в будущем (55 %). Такие различия позволяют предположить, что тревоги людей вызывались неуверенностью в том, что им удастся поддерживать необходимый и желаемый уровень благополучия семьи и, кроме того, недовольством темпами улучшения своего положения. Так, среди «тревожных» почти 57 % – а это 33 % (!) в целом по выборке – либо не ожидают никаких перемен, либо предвидят ухудшение своей жизненной ситуации, тогда как среди «спокойных» половина (или 18 % от всех опрошенных) надеялись на продолжение позитивной динамики¹.

Таким образом, данные показывают, что от 1/4 до 1/3 россиян были склонны проявлять повышенную тревожность, причем их беспокойство носило системный характер: они не чувствовали стабильности на уровне своего «жизненного мира» и проявляли пессимизм и беспокойство относительно будущего, так как ощущали свою неспособность его контролировать или им управлять (люди отвечали, что они не строят планов ни на ближайшее, ни на отдаленное будущее). Одновременно их понимание макроконтекста своей «частной» ситуации окрашивалось отнюдь не в радужные тона – они ощущали нестабильность ситуации в обществе и, кроме того, полагали, что страна развивается в неправильном направлении². Согласно с другими материалами исследований, можно утверждать, что в 2004 году произошло заметное усиление тревожно-негативных настроений. Однако это не находило своего продолжения в практике протестной активности. В чем же состояла специфика протестных настроений в это время?

Специфика протестных настроений (2004 год)

Протестная активность в период с 2000 по 2004 годы имела несколько важных особенностей, в немалой степени определивших реакцию общества на реформу на первых этапах ее реализации. Во-первых, начало нового столетия и первый президентский срок В. Путина ознаменовались существенным сокращением протестной деятельности³. Если в 90-х годах уровень вовлеченности в протестные акции составлял – по данным опросов – при-

¹ См. тему «Настроения в обществе». Общероссийский опрос ФОМ 9–10 октября 2004 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0441>.

² См. тему «Ситуация в России». Общероссийский опрос ФОМ 9–10 октября 2004 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0441>.

³ См., например: [Климова, 2004б; Гвоздева, 2002].

мерно 68 %, то теперь он не превышал 3 % ¹. Нисходящую динамику отмечали не только разные исследовательские центры, социальные аналитики и эксперты, но и сами россияне: в апреле 2004 года 37 % респондентов сказали, что сегодня акций протеста стало меньше, чем 10 лет назад, и еще 26 % утверждали, что они вообще не проходят ².

Во-вторых, в этот период времени протестная активность как форма социального действия оказалась устойчиво легитимизированной в общественном сознании: протестовать допустимо и «нормально», участие в митингах, демонстрациях и пикетах не является поведенческим отклонением. Такой взгляд в первую очередь оказался сформирован тем, что появились «предметные» акции протеста, привязанные к определенным проблемным ситуациям: принятие нового трудового кодекса, реформа ЖКХ, уплотненная застройка, проблемы с отоплением или же рост тарифов на оплату коммунальных услуг.

Отношение к подобным акциям в значительной степени определялось следующей закономерностью: когда в восприятии какой-либо акции делается акцент на ее целях и эти цели понятны и близки, тогда акция принимается с одобрением и поддержкой (пусть и пассивной). Если же на первый план выходит не содержание, а организатор-инициатор коллективного действия, тогда отношение к акции определяется отношением – всегда, как правило, безусловным – к организатору. Так, например, акцию бюджетников в марте 2003 года, проведенную в связи с новой концепцией оплаты труда, восприняли с одобрением 81 % опрошенных ³. Аксию врачей и учителей в октябре 2004 года (в связи с падением уровня жизни) одобрили 52 % ⁴. А вот акция протеста, организованная профсоюзами в июне 2004 года, вызвала одобрение у 28 %, и ее оценки напрямую зависели от представлений респондентов о профсоюзах – как структурах, защищающих либо не защищающих интересы людей [Климов, 2004а].

Третья особенность очень тесно связана с только что описанной. И у обычных людей, и у тех, кто занимается социальной экспертизой, сформировалось устойчиво скептическое отношение к протестной активности: действия этого рода воспринимались по большей части как неэффективные, не приносящие результатов. Протестная активность в значительной степени представляется бесполезной, поскольку не оказывает на власть никакого влияния. Даже в случае успешного исхода лейтмотивом в оценках являются

¹ Общероссийский опрос ФОМ 30–31 октября 2004 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0444>.

² Общероссийский опрос ФОМ 24–25 апреля 2004 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0417/domt0417>.

³ Общероссийский опрос ФОМ 8–9 марта 2003 года // http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2003/734_345/1523_369.

⁴ Общероссийский опрос ФОМ 30–31 октября 2004 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0444>.

темы неэффективности, низкой результативности протеста и «сиюминутности» его итогов. Даже в отношении октябрьской акции бюджетников, к которой россияне в целом отнеслись с поддержкой и пониманием, преобладал именно критический настрой: на вопрос «Как Вы думаете, акции протеста помогут или не помогут решить проблемы бюджетников?» – утвердительно ответили 24 % опрошенных, отрицательно – 39 %¹.

В-четвертых, протестная активность перестала восприниматься как направленная целиком или главным образом в адрес федеральной власти, хотя все-таки «первенство» в 2004 году и принадлежало именно ей (благодаря авторству непопулярной среди значительной части населения идеи замены льгот денежными выплатами).

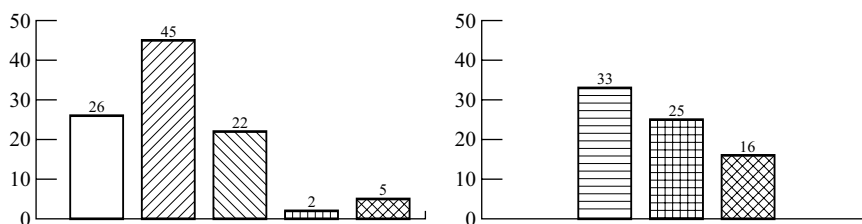

Рис. 5. Адресаты социального недовольства², %

Ответы на вопрос: «Вы замечаете или не замечаете вокруг себя недовольство людей властями? И если замечаете, то в последнее время это недовольство усиливается, ослабевает или ничего в этом отношении не меняется?»

- ☐ не замечают
- ☒ усиливается
- ☒ ничего в этом отношении не меняется
- ☐ ослабевает
- ☒ затрудняюсь ответить

Ответы на вопрос: «По Вашим впечатлениям, это недовольство направлено прежде всего против федеральных властей или против руководства вашей области (края, республики)?» (ответы заявивших, что они замечают недовольство людей властями)

- ☒ против федеральных властей
- ☒ против руководства области (края, республики)
- ☒ затрудняюсь ответить

И последнее, пятое. Протестная активность, интерес к ней и ее легитимизированность в сознании россиян не стали стимулом для мобилизации новых участников (феномен «пассивной солидарности» [Гвоздева, 2003а]). Это позволило говорить, с одной стороны, что протестное движение не является «массовым», а следовательно, отражающим установки, настроения или интересы «большинства» россиян. С другой стороны, появился концепт

¹ Общероссийский опрос ФОМ 30–31 октября 2004 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0444>.

² Там же.

«пассивного» или «фонового» недовольства, находящего свое выражение как в неучастии в переписи – в деле, «нужном государству», так и в протестном голосовании на многочисленных выборах [Климов, 2004a]. В любом случае, мобилизованное внимание, ожидание протеста, несогласие с планами властей не породили коллективного действия как практики.

Действительно, случавшиеся акции протеста хоть и вызывали одобрение, но воспринимались как неспособные решить проблемы, в связи с которыми они устраивались. Можно сказать, что они мобилизовывали ожидания чего-то нехорошего, взрывоопасного, однако к распространению установок на личное участие они не привели. Вместе с тем январь 2005 года одновременно и подвел итоги (ожидания начали сбываться), и начал новую событийную цепочку (акции протеста стали реальностью и стали оформляться новые ожидания: что дальше?).

Однако, что же происходило зимой 2005 года, когда реформа системы социальных льгот вступила в этап реализации и начала непосредственно затрагивать льготников и членов их семей, когда по стране – после длительного периода относительного затишья – прокатились массовые акции протеста?

Отношение россиян к реформе в 2005 году

Начало реализации закона о монетизации льгот мобилизовало раздражение от этой реформы и вывело из «пассивного» состояния накопившийся потенциал протеста. Льготники и члены их семей столкнулись с самыми разными проявлениями реформы, и самыми острыми из них были ситуация со льготами на проезд и льготами на лекарства¹. Опросы фиксировали заметный рост недовольства²: доля противников замены льгот на деньги превысила долю ее сторонников вдвое. Среди населения доля негативных оценок по сравнению с ноябрьскими данными увеличилась с 44 % до 53 %, а среди самих льготников – до 59 %. Особенно резко ухудшилось отношение к реформе в больших городах и среди относительно состоятельных граждан (прирост доли негативных оценок – 12 п. п. и 13 п. п. соответственно). Даже в тех категориях, которые прежде демонстрировали в целом более благосклонное отношение к этой новации – жители сел и малообеспеченные граждане, – число ее сторонников сократилось на 10 п. п. и 12 п. п. соответственно. Одновременно с этим заметно усилились критические интонации в повседневных беседах граждан на эту тему: доля тех, кому приходилось слышать негативные отзывы о реформе, выросла на 16 п. п. и составила 59 %, а также до 12 % сократилось число тех, кто слышал позитивные оценки.

¹ См. данные общероссийского опроса ФОМ от 5–6 февраля 2005 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dom0506>.

² Общероссийский опрос ФОМ от 22–23 января 2005 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dom0504>.

В связи со сказанным неудивительно то, что большинство россиян полагали, что первые практические шаги реформы принесли больше отрицательных последствий (60 %), нежели положительных (18 %) ¹. По большей части респонденты признавали, что власти пытаются что-то делать, чтобы как-то исправить собственные просчеты и недоработки (49 %), однако у людей не было однозначного мнения о том, насколько действенны экстренные усилия: 21 % считали, что эти меры улучшают ситуацию, 5 % – что только ухудшают ее, и еще 17 % – что они не имеют никакого эффекта: ни положительного, ни отрицательного. К этому нужно добавить, что 1/3 опрошенных (30 %) были твердо уверены, что власти вовсе не предпринимают никаких мер, не прикладывают ни малейших усилий. Главным аргументом, подтверждающим такой вывод, для россиян были непрекращающиеся акции протеста, охватившие едва ли не половину российских регионов.

Первые спонтанные митинги протеста начались 5–6 января, а уже 10 января льготники стали перекрывать транспортные магистрали: Ленинградское шоссе в районе Химок и Солнечногорска, в Самаре была блокирована Революционная улица – одна из центральных магистралей города, аналогичные события происходили в Альметьевске (Татарстан), в Старом Осколе (Белгородская область) в Уфе и Барнауле ². А уже в течение последней недели января акции протеста состоялись в 39 регионах страны.

Данные январских опросов показывали: у россиян очень быстро сформировалось понимание того, что в ближайшем будущем следует ожидать скорее усиления волны протеста, нежели спада (40 % против 28 %) ³. Кроме того, в обществе было довольно широко распространено представление о том, что настроения, связанные с реформой, не являются локальными, присущими лишь одной, отдельной категории людей. Так, 39 % респондентов полагали, что к пенсионерам и льготникам могут присоединиться другие группы населения: молодежь и студенты, бюджетники, безработные, малообеспеченные, социально незащищенные люди, а также некоторые политические партии и профсоюзы, что, собственно, и начинало происходить в последней декаде января ⁴.

На вопрос о том, примут ли респонденты участие в акциях протеста, если таковые будут проходить там, где они живут, 25 % выражали готовность к действию (среди льготников доля решительно настроенных доходила до 35 %). Безусловно, декларированная готовность протестовать еще не означа-

¹ Общероссийский опрос ФОМ 5–6 февраля 2005 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominan2005/edom0506>.

² Хронику акций протеста в связи с реформой социальных льгот можно реконструировать, в частности, по новостной ленте Института «Коллективное действие» // http://ikd.ru/news?b_start:int=2235.

³ Данные общероссийского опроса ФОМ от 22–23 января 2005 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dom0504>.

⁴ Информация Института «Коллективное действие» // http://ikd.ru/Campaign/Allfronts/News_Item.2005-01-19.0664.

ет реальной готовности к активным действиям, однако этот показатель является важным индикатором того, насколько остро люди ощущали «социальную температуру» самой актуальной на тот момент общественной проблемы. Тем не менее симпатии и сочувствие россиян были, безусловно, на стороне протестовавших: относились к акциям с одобрением 57 % (среди льготников – 66 %), а не одобряли лишь 14 % опрошенных (примерно 1/5 опрошенных – 22 % – знали об акциях протеста не понаслышке – они проходили где-то по соседству, в их городе или поселке).

Пик протестной активности пришелся на последнюю неделю января, но уже в первой половине следующего месяца численность акций снизилась почти вдвое. За первые семь дней февраля акции протеста прошли примерно в 19–20 регионах – против 39 на предшествующей неделе, за вторую неделю февраля – в 13. Аналогичная тенденция к снижению напряженности обнаружилась и в данных опросов. Во-первых, несколько снизилась доля тех, кто предполагал дальнейшее усиление акций протеста (с 35 % до 31 % по опросу 5–6 февраля 2005 года). Во-вторых, заметно сократилась интенсивность обиденных разговоров и обсуждений темы социальных льгот. Так, в начале февраля число не слышавших никаких разговоров о реформе и связанных с ней событиях выросло с 16 % до 25 %. Одновременно начала меняться тональность высказываний и оценок: с 61 % до 49 % сократилось число тех, кто слышал отрицательные суждения, и с 12 % до 16 % выросла доля слышавших положительные¹.

Вместе с тем другие индикаторы протестной мобилизованности и озабоченности проблемой долгое время – вплоть до лета 2005 года – оставались относительно высокими. Готовность участвовать в акциях протеста устойчиво выражали 22–25 % россиян (в том числе и 27–32 % льготников), с одобрением относилась к протестам примерно половина опрошенных (от 46 % до 53 %), а в целом негативно оценивали саму реформу от 41 % до 46 % респондентов (см. рис. 6–9).

Только в апреле постепенное «угасание» общественного напряжения, связанного с реформой, стало проявляться более-менее отчетливо. Так, несмотря на то, что внимание самих льготников к проблеме социальных льгот оставалось крайне мобилизованным (86 % тех, кому положены льготы, сказали, что эта тема их интересует и волнует), как раз в апреле именно в этой категории граждан доля положительно относящихся к реформе впервые превысила (хоть и незначительно) долю оценивающих ее отрицательно: 46 % против 43 %² (см. рис. 11).

Если же говорить о россиянах в целом, разница между теми, кто заявлял о своем положительном или отрицательном отношении к реформе, к середине апреля оказалась столь же незначительной: 38 % против 35 %, и дальше –

¹ Общероссийский опрос ФОМ 5–6 февраля 2005 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dom0506>.

² Общероссийский опрос ФОМ 16–17 апреля 2005 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dom0516>.

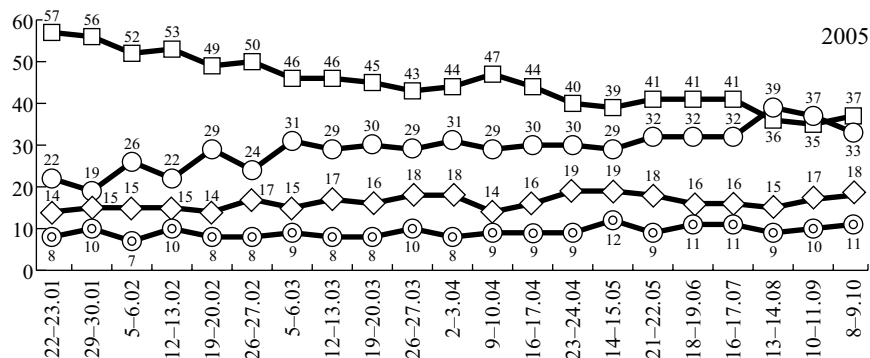

Рис. 6. Ответы на вопрос: «Скажите, пожалуйста, как Вы относитесь к акциям протеста в связи с заменой социальных льгот денежными выплатами – Вы одобряете их, не одобряете или относитесь к ним безразлично?», все опрошенные, %

□ — одобряю ○ — безразлично ◇ — не одобряю ⊙ — затрудняюсь ответить

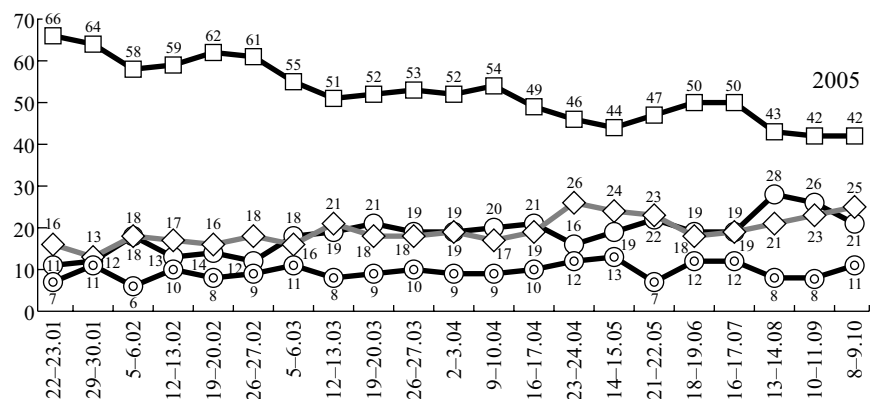

Рис. 7. Ответы на вопрос: «Скажите, пожалуйста, как Вы относитесь к акциям протеста в связи с заменой социальных льгот денежными выплатами – Вы одобряете их, не одобряете или относитесь к ним безразлично?», льготники, %

□ — одобряю ○ — безразлично ◇ — не одобряю ⊙ — затрудняюсь ответить

на протяжении мая и всего лета – этот показатель оставался в пределах указанных значений (рис. 10). Чаще других положительно оценивали монетизацию льгот пожилые респонденты (46 %), люди с неполным средним образованием (48 %), с доходами от 1 500 до 3 000 рублей (44 %), жители сел (43 %). О своем отрицательном отношении чаще говорили жители мегаполисов (46 %), респонденты, имеющие высшее образование (46 %) и доходы более 3 000 рублей (47 %) ¹.

¹ Общероссийский опрос ФОМ 16–17 апреля 2005 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dom0516>.

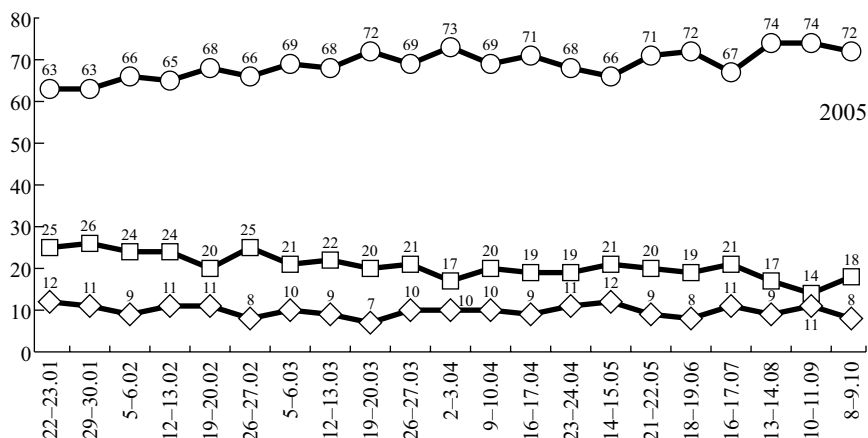

Рис. 8. Ответы на вопрос: «Если акции протеста в связи с заменой социальных льгот денежными выплатами состоятся там, где вы живете, Вы будете или не будете в них участвовать?», все опрошенные, %

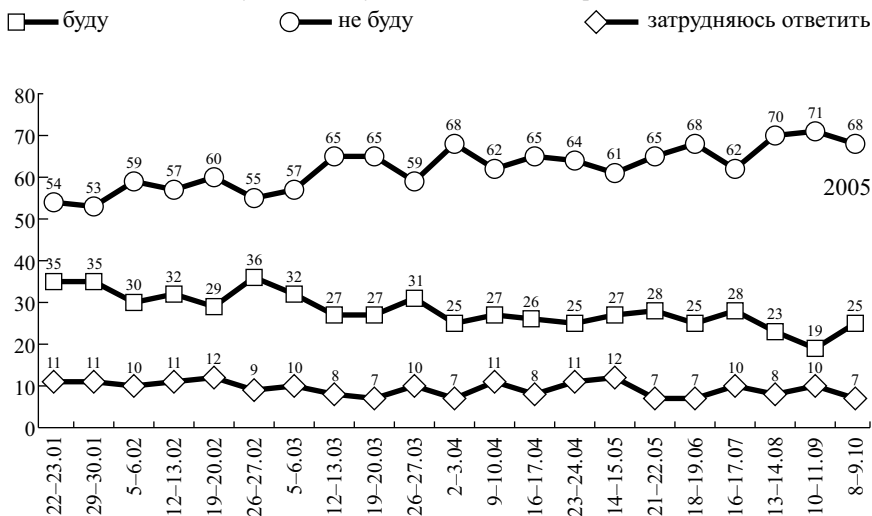

Рис. 9. Ответы на вопрос: «Если акции протеста в связи с заменой социальных льгот денежными выплатами состоятся там, где Вы живете, Вы будете или не будете в них участвовать?», льготники, %

Итак, как показывают и данные опросов, и мониторинг событий вокруг реформы, фаза мобилизованного протеста была сравнительно недолгой – примерно до середины февраля. Наиболее значимой и своего рода рубежной акцией стала всероссийская акция протеста «Дни единых действий против антисоциальной политики» 10–12 февраля, организованная Советом

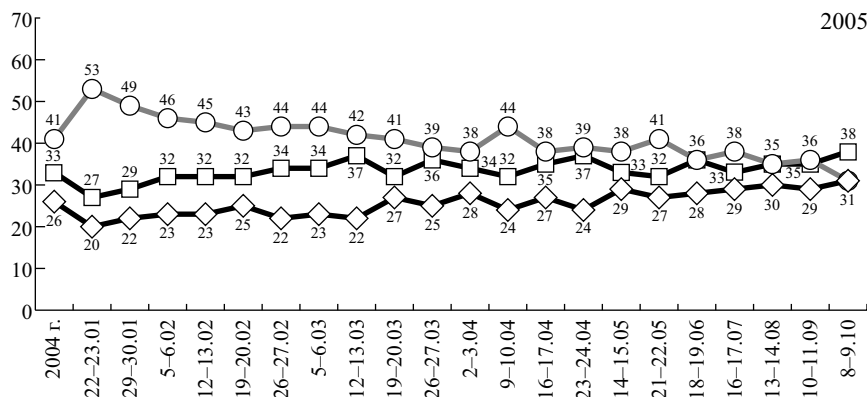

Рис. 10. Ответы на вопрос: «Как Вы лично относитесь к замене некоторых социальных льгот денежными выплатами – положительно или отрицательно?», все опрошенные, %

□ — положительное ○ — отрицательное ◇ — затрудняюсь ответить

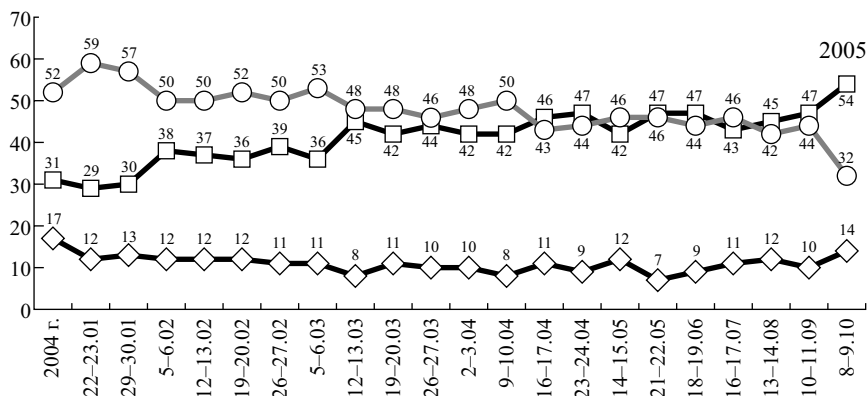

Рис. 11. Ответы на вопрос: «Как Вы лично относитесь к замене некоторых социальных льгот денежными выплатами – положительно или отрицательно?», льготники, %

□ — положительное ○ — отрицательное ◇ — затрудняюсь ответить

Общественной Солидарности и многими региональными координационными советами по меньшей мере порядка в 50 городах страны. После этого события протестная активность изменила свои масштабы и самое важное – проблема льгот все реже становилась темой лозунгов, темой митингов и пикетов. Дольше всего протестная активность продолжалась в нескольких региональных центрах – Перми, Ижевске, Пензе, Томске. Здесь регулярные акции проходили вплоть до конца февраля. Третий и самый болезненный этап реформы миновал.

Сегодняшний день реформы социальных льгот

Если говорить о сегодняшних оценках и сегодняшнем восприятии реформы социальных льгот российскими гражданами, можно утверждать, что ситуация принципиальным образом не изменилась, она оказалась «замороженной» в состоянии весны-лета 2005 года. После того, как социальная напряженность вокруг этой проблемы снизилась, и до настоящего времени соотношение тех, кто относится к реформе положительно, отрицательно и затрудняется сказать что-либо определенное, практически не меняется: по данным опроса в январе 2006 года это 38 %, 30 % и 32 % соответственно ¹. Если же говорить об оценках того, как реализовывалась монетизация льгот, здесь по-прежнему доминируют критические мнения и высказывания. Больше половины наших соотечественников – 52 % – не считают успешной и удачной организацию и проведение реформы (придерживаются противоположной точки зрения 16 % респондентов), а при оценке ее последствий и результатов, 41 % уверенно говорят о преобладании негатива, при том, что почти 1/3 опрошенных – 31 % – затрудняются с оценкой ее итогов ².

Опросы показывают, что среди подавляющего большинства россиян распространено представление о том, что денежные выплаты не в достаточной мере компенсируют прежде положенные льготы (78 %, противоположное мнение разделяют 6 %). К этой же позиции склоняются и те, кто видит определенные положительные итоги реформы (65 % против 12 %). Также и подавляющее большинство льготников считает, что выплачиваемые деньги не компенсируют тех льгот, которыми они обладали прежде (82 % против 8 %).

Таким образом, мы видим, что критическое и в целом прохладное отношение к реформе социальных льгот – спустя год после ее начала – все еще преобладает. Вместе с тем исследования обнаруживают одну принципиально важную тенденцию: растет доля граждан, которые в гипотетической ситуации выбора предпочли бы социальным льготам денежные выплаты.

На сегодняшний день разрыв между теми, кто предпочел бы льготы, и теми, кто выбрал бы деньги, практически исчез (43 % против 41 % среди всех опрошенных), а среди льготников – существенно сократился (52 % против 39 %) (см. рис. 9). Причем к прежней системе больше привязаны представители «ресурсных групп» (респонденты с высшим образованием, наиболее высоким уровнем дохода), в то время как люди с невысоким уровнем дохода начинают все больше и больше ценить денежную компенсацию [Бавин, 2005] ³. И особо следует отметить существенную динамику мнений

¹ Общероссийский опрос ФОМ 21–22 января 2006 года // http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0604/domt0604_2/d060411.

² Общероссийский опрос ФОМ 17–18 декабря 2005 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominan2005/dom0551>.

³ Там же.

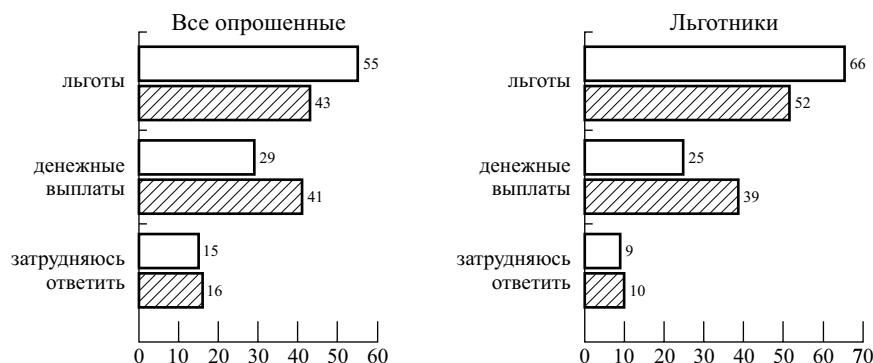

Рис. 12. Ответы на вопрос: «Если бы сегодня перед Вами стоял выбор между получением социальных льгот и получением денежных выплат, что бы Вы предпочли: льготы или денежные выплаты?», %

□ 22–23 января 2005 г.

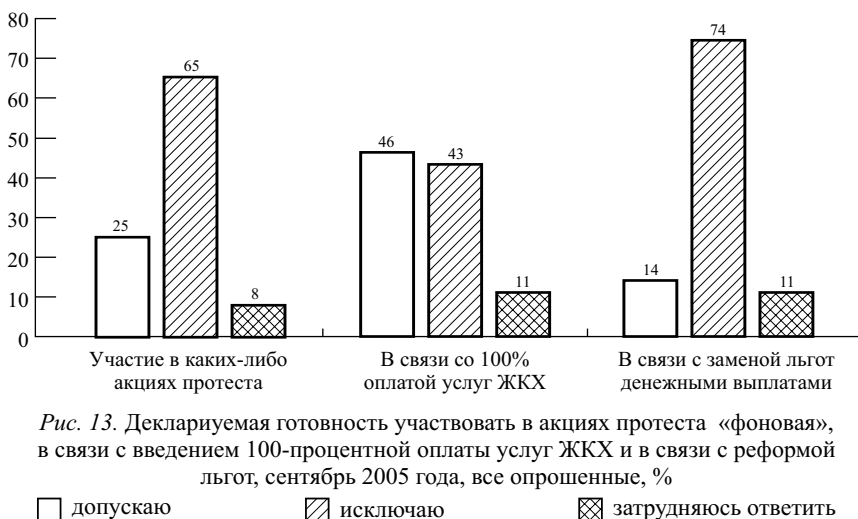
▨ 17–18 декабря 2005 г.

в больших городах – региональных центрах и селах: с января 2005 доля предпочитающих денежные выплаты выросла соответственно на 15 п. п. и на 18 п. п. (с 25 % до 40 % среди жителей региональных центров, и с 39 % до 57 % среди жителей сел). Напомним, что именно в больших городах – региональных центрах протест льготников был наиболее интенсивным, именно здесь зимой 2005 года проблемы реформы были наиболее острыми, а социальная напряженность – наиболее сильной¹.

Описанная тенденция – деньги вместо льгот – отражается, хотя очень и очень слабо, на динамике отношения к реформе. За десять месяцев 2005 года, с марта по декабрь, с 17 до 28 % выросла доля россиян, полагающих, что реформа социальных льгот принесла больше положительных последствий, это 11 п. п.² Однако это не столь важно, данное обстоятельство может служить лишь иллюстрацией к тому, в какой мере обладание «реальными деньгами» вместо «необоснованных льгот» способно менять отношение россиян к реформе. Важно зафиксировать специфику сегодняшней ситуации: при том, что сохраняется недовольство и ходом реформы, и ее практическими итогами для льготников, это недовольство качественно иное. Все чаще обсуждается недостаточность компенсаций, необходимость оптимального и более грамотного решения возникающих проблем, однако сомнения в необходимости и целесообразности монетизации льгот никуда не ушли,

¹ Сельские жители с самого начала заметно чаще говорили о своей заинтересованности в деньгах: например, по опросу 14–15 августа 2004 года выбирающих льготы и выбирающих деньги среди них было 16 % против 17 %, тогда как в крупных городах – 25 % против 9 % // <http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dominant2004/dom0433/dpril0433/tb043306>.

² Общероссийский опрос ФОМ 17–18 декабря 2005 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2005/dom0551>.

но скорее воспринимаются как неактуальные, наивные, не имеющие отношения к сегодняшней жизни.

«От льгот надо отказаться, а пенсию больше сделать. Льгот этих зачастую никто и не видел, коррупция, неразбериха. Сейчас не лучше. Льготные лекарства не всегда достанешь, да и не самые лучшие они. Инфляция большая, процентов под 20, наверное... Но основа тут уже другая, и для сельчан особенно, да и для многих горожан, я по разговорам сужу, все-таки лучше, чтобы деньги были» (ДФГ, Новосибирск, декабрь 2005 года).

«Жизнь льготников и пенсионеров стала хуже только [в результате реформы]. С народом не посоветовались, как правильно это нужно было делать, может и не делали вовсе этого. Сейчас уже есть – что есть, нужно тогда сделать так, чтобы все увидели – это тогда делалось не зря, что была цель какая-то» (ДФГ, Самара, декабрь 2005 год).

И еще один важный вывод можно сделать из анализа сегодняшнего отношения россиян к реформе: по всей видимости, мобилизационный потенциал монетизации льгот можно считать исчерпанным. Готовность участвовать в коллективных выступлениях против реформы социальных льгот осенью 2005 года высказывали от 14 до 18 % опрошенных (см. рис. 8). Это вполне согласовывалось с данными опросов, замерявших протестные настроения в целом: на вопрос, задававшийся в более свободной формулировке, 1/4 россиян (25 %) допускали для себя присоединиться к каким-либо протестным акциям, и 65 % – исключали такую возможность¹.

¹ Общероссийский опрос ФОМ 3–4 сентября 2005 года // <http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dominan2005/dom0536>.

Оговоримся, этот прогноз касается только одной темы – реформы социальных льгот. Ведь той же осенью 2005 года в общественном и медийном пространстве появилась новая взрывоопасная тема – введение стопроцентной оплаты за услуги ЖКХ. Она-то как раз и стала тематической преемницей и новым основанием для протестных ожиданий. Если сравнить ответы россиян на два аналогичных вопроса, задававшихся примерно в одно время, но различающихся степенью определенности относительно темы возможных акций протеста, можно увидеть, в какой мере тема ЖКХ обладает большим мобилизационным потенциалом – в сравнении с «фоновым» недовольством¹.

Отношение россиян к преобразованиям в сфере ЖКХ – это отдельная исследовательская и аналитическая задача. Здесь же важно отметить, что протестный потенциал этой социальной проблемы весьма существенен, и хотя в настоящее время остается неактуализированным, тема ЖКХ может очень быстро набрать мобилизационную динамику. С одной стороны, в текущем году люди стали больше платить за услуги ЖКХ – 61 % против 12 %, чьи расходы остались прежними, и 40 % говорят о значительном ухудшении материального благополучия их семей в результате этого². Естественно, что представители именно этой категории опрошенных чаще других выражают готовность участвовать в акциях протеста (51 % от численности группы). Тем не менее доля потенциальных «активно недовольных» ненамного ниже и среди тех, у кого расходы на услуги ЖКХ в текущем 2006 году совсем не выросли: это 40 % от численности группы. Поэтому неудивительно, что акции протеста в связи с ростом цен на услуги ЖКХ у большинства россиян (63 %) вызывают одобрительное отношение (18 % говорят о своем безразли-

¹ Следует указать на особенность вопроса про протест в связи с реформой льгот. Для изучения протестных настроений используются разные индикаторы, вместе образующие «логическую воронку». В данном случае вопрос ориентирован на фиксацию *сформированного*, хотя и декларативного намерения, тогда как другой формулировкой выясняется установка на *допустимость* участия для себя лично, то есть это отличие между *намерением* протестовать и *настроенностью* на протест. Как показывали наши исследования, последнее оказывается непременно шире, и соотношение отвечающих составляет примерно 1 к 2. По нашей экспертной оценке, протестные настроения в связи с реформой льгот к осени 2005 года фактически сравнялись с «фоновыми» протестными настроениями. В данном случае мы решили привести три вопроса вместе, несмотря на видимую несопоставимость.

Формулировки вопросов: Вы лично допускаете или исключаете для себя возможность принять участие в каких-либо акциях протеста, присоединиться к протестующим? (3–4 сентября 2005 года.)

Вы лично допускаете или исключаете для себя возможность принять участие в акциях протеста в связи с введением 100-процентной платы за услуги жилищно-коммунальных служб? (17–18 сентября 2005 года.)

Если акции протеста в связи с заменой социальных льгот денежными выплатами состоятся там, где вы живете, вы будете или не будете в них участвовать? (10–11 сентября 2005 года.)

² Общероссийский опрос ФОМ 11–12 февраля 2006 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dom0607>.

чий и 10 % выражают неодобрение), и около половины (46–48 %) допускают для себя возможность принять в них участие ¹.

С другой стороны, большинство россиян, по-видимому, больше склоняются к непротестным формам адаптации. Отвечая на открытый вопрос, что собираются предпринимать люди в связи с ростом затрат на услуги ЖКХ, 17 % россиян принимают эту данность и ничего особого делать не собираются («буду уповать на Бога», «смирюсь и буду платить»). Готовы менять работу или искать подработку 5 % респондентов. Некоторые (3 %) собираются экономить на других статьях расходов, а также ставить счетчики и платить за реальное потребление (1 %); 2 % предполагают оформить субсидию, которой прежде не пользовались. И, наконец, 3 % опрошенных сами заявляют о намерении «качать права» – участвовать в коллективных акциях протеста или же бороться в индивидуальном порядке, обращаясь в суд или к представителям местной власти.

Следует сказать, что реформа ЖКХ – это лишь одна из социальных проблем, способных стать катализатором протестной активности. Мы говорим здесь о ней потому, что именно ею поддерживается тематическая и проблемная преемственность с реформой социальных льгот, ведь эта тема уже прошла протестную проблематизацию в январе – марте 2005 года, когда требования относительно ЖКХ шли единым списком с претензиями к реформе льгот ². Можно с достаточной степенью уверенности говорить, что в 2006 году, когда ожидается повышение расходов граждан за оплату услуг ЖКХ, а также в связи с отменой «коммунальных» льгот, главным двигателем протеста станет уже эта проблема, и если социальное недовольство приобретет размах, тогда следует ожидать и возвращения проблематики социальных льгот.

Однако не менее, а зачастую более важными представляются другие составляющие активного социального протеста: история отношения людей к власти и история отношений с властью, реальные возможности для диалога и представления людей о возможности или невозможности заявлять свои требования и защищать свои интересы, а, кроме того, это опыт социального действия – коллективного или индивидуального – в связи с актуальными проблемами. История акций протеста зимой 2005 года в значительной мере обогатила представления людей о возможных стратегиях позиционировать себя относительно проектов власти, и главным условием здесь оказалась способность осознать себя в качестве актора – «человека действующего», на практике осваивающего все большее жизненное пространство, окружающий мир, все более сложные системы взаимоотношений и решающего актуальные социальные проблемы.

¹ См. опрос 17–18 августа 2005 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominan2005/dom0538> и опрос 11–12 февраля 2006 года // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dom0607>.

² См., например, информацию о митинге в Пензе 12 февраля 2005 года // http://ikd.ru/Campaign/Allfronts/News_Item.2005-02-13.3521.

Список литературы

- Бавин П.* Замена льгот выплатами: год с начала реформ // Доминанты. 2005. № 51 // http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dominan2005/dom0551/domt0551_5/d055127.
- Бавин П.* Реформирование системы социальных льгот: мнение формируется на кухне // Доминанты. 2004. № 27 // http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0427/domt0427/domt0427_1/d042723.
- Гвоздева Е.* Акция протеста бюджетников: митинговать не эффективно, но нужно... // Доминанты. 2003а. № 10 // <http://bd.fom.ru/report/map/d031032>.
- Гвоздева Е.* Пенсионная реформа – «А доверять деньги государству по-прежнему не хочется...» // Доминанты. 2003б. № 41 // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2003/dom0341/domp0341>.
- Гвоздева Е.* Протестные настроения российских граждан // Доминанты. 2002. № 19 // http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dominant2002/418_2109/1040_2127/3410_2139/d021929.
- Доминанты.* 2000. № 24 // http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2000/75_5417/140_5449.
- Доминанты.* 2004. № 47 // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0447>.
- Климов И.* 2004 год: протестные настроения российских граждан // Доминанты. 2004а. № 25 // http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0425/domt0425/domt0425_4.
- Климов И.* Реформа системы социальных льгот: динамика мнений // Доминанты. 2004б. № 28 // http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0428/domt0428/domt0428_1/d042822.
- Климов И.* Реформа системы социальных льгот: динамика мнений после принятия закона // Доминанты. 2004в. № 32 // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0432>.
- Климов И.* 2005. Протестный потенциал и протестная активность // Доминанты. 2005. № 27 // http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dominan2005/dom0527/domt0527_3/d052725.
- Климова С.* Деньги вместо льгот: равноценна ли замена? // Доминанты. 2004а. № 24 // <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0424/domp0424>.
- Климова С.* Протестная активность россиян: динамика и потенциал // Доминанты. 2004б. № 15 // http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0415/domt0415/domt0415_3/d041530.

Иван Александрович Климов
к. с. н., научный сотрудник Института социологии РАН,
ведущий специалист фонда «Общественное мнение», Москва
электронная почта: klimov@fom.ru
